

Физика

Уже почти не помню тех, других.
Как будто не мужчины, а фантомы
скользили в декорациях картонных.
(И пьеса сыграна от сих до сих.)

Уже совсем не помню, как они
едят, смеются и целуют в губы.
С кем читан Лем, с кем пересмотрен Кубрик?
(Кого нельзя помиловать казнить?)

Но чахну, как над золотом Кощей,
я над малейшим словом, жестом, взглядом.
Перебираю жадно каждый атом
из драгоценной сущности твоей.

Сон-трава

Ничего не кончится, ничего,
Если ты уйдёшь, если я умру.
Будут одуванчики с головой,
Облетевшей налысо, на ветру
Под ногами путаться. Мельтешить
Будет сон-трава. Разотри в горсти.
Незачем живым к мёртвым приходить.
Если я умру, ты себя прости.

Ничего не кончится, ничего.
По весне в глазах зелено вино.
Только неотвязный мотивчик свой
Позабыло сердце давным-давно.
Сердце выпевало: «Света-та-та».
И слова толкались и шли на свет...

Только сон-трава. Только темнота.
И немая жизнь. И меня в ней нет.

Орфей оглянулся

Орфей оглянулся. И нет больше смысла ни в чём.
Побеги из ада давно превратились в камбэки.
И месяц — нечищенной медью за левым плечом,
И ночь заползает змеёй под прикрытые веки.
И холод, такой омерзительный холод в аду.
Расцветшие яблони снежной искрят белизною.
А там, наверху, это всё называют весною,
И маются в мае в горячем любовном бреду.
Орфей оглянулся. О, участь немых Эвридик:
Внутри разрываясь от жажды запретного крика,
Смотреть ему вслед, и беззвучно шептать: «Уходи».
И думать: «Вернись, посмотри ещё раз!»...

Эвридика,
Орфей оглянулся. Мгновение. Глюк или клик:
Но память стирается. Всё — даже смерть — пустое.

Он знает сто тысяч болтливых и злых Эвридик.
И ни одна из них песни его не стоит.

Завтрак

У кого-то кровь смывается легко,
У тебя же: замывай, не замывай...
Снег и грязь в окне, как кофе с молоком,
Дребезжит консервной банкою трамвай.
Ничего не разменять, не поменять:
Ни монету, ни жилплощадь, ни судьбу.
И зима придёт неожиданная опять,
Чтоб лежать холодной панночкой в гробу.
Избежать возможно участи Хомы:
Не поверить этой сказке, вот и всё.
Пусть сугробов будут белые холмы,
Пусть нас вьюга заморочит, занесёт.
Братья-месяцы такие шутники:
В октябре петунии в снегу.
Я коснусь слегка твоей щеки.
Я гляжу и наглядеться не могу.
Кровь — такая красная вода.
Смерть — такая страшная игра.
Хочешь это яблочко, Адам?
И оладьев напеку с утра.

Блюдечко

Я не знаю, что с этим миром будет.
Может, он закончится в одночасье.
Я брожу по «Икее», как бродят в чаще.
Я ищу каёмочку голубую
на волшебном блюдечке. Столько блюдец
тщетно в жадных пальцах перевертела...
Словно рыбы, стаями ходят люди,
разевая беззвучно рты то и дело.
Вот бы блюдечко мне — и панночкой в Польшу!
Стать бы продавщицей сахарной ваты!

Но, по правде, мне б рядом с тобой — подольше...
И чтоб мир не кончался.
Этого хватит.

Про золото

Чем безмолвие ближе, тем нежнее стихи тебе.
Воркуют они со сборищем голубей
На подоконнике, продуваемом сентябрём,
И холодный ветер важно влетает в дом,
Как курьер Хлестакова.

Я не знаю, за что мне стихи. Зато
Я могу смотреть и смотреть на золото,
И горят купола, горят деревья,
И во мне горят, как дрова, слова.
Не скажу ни слова

О безумной, ставшей родной, тоске,
О седом волоске на левом виске,
И о том, что проиграла судьбе,
Но зато сохранила огонь в себе.
Он навек с тобою.

Самой тонкой кистью по золоту
Проведи дорогу или черту.
Поцелую сегодня ещё нежней,
С подоконника сгоню голубей
И окно закрою.

О другом

Никогда ничего о другом
никому не понять. И не надо.
Наступила пора снегопада,
и прогнулись под влажным снежком
две рябины, две анорексички,
протянувшие веточки-спички
к тополям под соседним окном,
не имея в наличьи дубов,
всё равно к ним нельзя перебраться.
Да и нам — в небывалые двадцать —
избежать опрометчивых слов.
(Все поступки — лишь их отраженье.)
Марлезонский балет
неземной
над усталой холодной землёй —
белых ангелов грехопаденье.
Искупает взаимная боль
и молчание между словами.
Как огромное небо — любовь
над седеющими головами.
Никогда ничего о другом
не понять. Никому и не надо.
Только яблоко райского сада
подмигнёт переспелым бочком.

Песенка о радости

Так безрадостно этой долгой зимой.
В снег упрятаны хмурые города.
Расскажи мне о радости, светлый мой,
я поверю. Я верю тебе всегда.

Мне так холодно этой долгой зимой
у подножия вечных Алтайских гор.
Расскажи мне о солнце, горячий мой.
Я поверю, как верила до сих пор.

А ещё присниться не позабудь
в час, когда тоска с метелью поёт
заунывную песню и прямо в грудь
упирает тупое своё копьё.

Я проснусь и пойму, что весна вот-вот,
что осталось жить всего ничего.
Но смотри — приподнялся небесный свод
от тепла дыхания моего.

Пересмешница

Я была пересмешница,
я была хороша.
В феврале только вешаться
или сердце с ножа
есть без соли и перца,
запивая вином
(чъё-то сладкое сердце,
упиваясь виной).
В марте просто преставиться.
О сгоревшей дотла
скажут люди — красавица,
скажут люди — была.
Я мерзлячка известная:
птичий пух, рыба кровь.

Быть горячкой неверною
отучила любовь,
и, как нищий на паперти,
жду его на ветру.
Может быть, в чьей-то памяти
никогда не умру?

Там, наверное, весело,
страшновато чуть-чуть.
Вот и крестик повесили
на шнурочке на грудь.

...И на холоде кафельном
так стоять пред Отцом
с полотенчиком вафельным,
с удивлённым лицом.

Это август

В изумрудах желтеет янтарь.
Это август, мой друг, это август.
А давай мы с тобою, как встарь,
Посидим на крылечке вдвоём?
Разгоняя вечернюю хмарь,
Многоглазый появится Аргус,
Задевая на доме твоём
Черепицу насупленным лбом.
Прикрывая павлиньи глаза,
Он зевнёт и укроется тучей.
Мы ему не мешаем. Сидим
И читаем стихи в темноте.
Громыхает лениво гроза
И огонь выпускает летучий,
Он летит сквозь сиреневый дым
И не может никак долететь.
Пахнут снами чабрец и Melissa,
И другие какие-то травы.

Я смотрю на тебя не дыша,
Ты на счастье и горе похож.
Это яблоко точно отравлено,
И во сне улыбается Аргус.
Это август, мой друг, это август.
И у нас начинается дождь:
Он по-рысьи крадётся по листьям,
Он стучит по шарам золотым.
Август много приносит даров,
И нести их совсем нелегко.
Сквозь неплотный сиреневый дым
Проступают то лица, то лики,
И из тёмных небесных сосков
Льётся лунное молоко.

Морок

Какая вечность — этот недодень
и этот стрёмно-тёмно-синий вечер...
Давай с тобою встретимся на Млечном.
Давай друг друга заново хотеть,
как дети вместо кружки молока
хотят конфет из праздничной коробки.
В хрустальном небе вывернули пробки
и подпилили месяцу рога —
и чернота, такая чернота,
подпудренная снеговым крахмалом...
Как света в жизни остаётся мало,
когда под ней проведена черта,
делящая и души, и дома
пилой вины без всякого наркоза.
Спрессован воздух в ледяные розы,
и по краям алмазная кайма
на стёклах в старых окнах,
что полны
воспоминаньями, как мама
мыла раму.

Совсем недавно провожали маму
навек в землю, небеса и сны —
и вот отец её уже догнал,
а я никак в конечность не поверю.
Я подхожу и открываю двери.
Я слышу, как вдали шумит вокзал,
как, морок вечный в клочья разодрав,
гудок в ночи даёт московский скорый,
и, презирая страхи и укоры,
любовь очнулась, смертью смерть поправ.

На фоне неба

На фоне неба тушью — веточки.
Под снегом спрятали траву.
Я снова дожидая до вечера,
а думала — не доживу.

За тьмой, за временными сдвигами
нам новую откроют дверь.
Кулич изюминкой подмигивает,
мол, дожидая, а значит — верь.

Любовью сердце вроде тратится,
но сколько места для неё!
Пускай нелюбящий спохватится
в скупом неверии своём.

А ты, отца замена, брата мне,
дороже братьев сорока,
живи, прошу, живи и радуйся
деревьям, солнцу, облакам.

А вера — это встреча с вечностью,
и дальше можно, лишь любя.
Я снова доживу до вечера
и до тебя. И до тебя.

Если не жалеешь ни о чём,
дни листая,
ангел прилетает на плечо
или стая
белоснежных кротких голубей,
пух снежинок.
Но тебе не легче, хоть убей.
Живы, живы
все земные грешные мечты,
и в приметы
гупо продолжаешь верить ты.
Летом — лету,
осенью — опавшему листу
поклоняться.
Часовым апреля на посту
умиляться.
Но зима, она-то не про жизнь —
про другое.
Сладкий морок новогодней лжи,
голубое
небо в белой шубе облаков
прячет рай.
Если не жалеешь ни о ком,
умирай.

Доска

Писала я на аспидной доске...

(М. Цветаева)

Я могу написать на доске,
а потом стереть,
как горят на твоём виске
серебро и медь
от закатного солнца,
и весь небосвод горит.

Мы гуляем по Соцу
и дальше, по Lenin street.

Мы, гуляя, отбили пятки,
пальцы дрожат,
наши губы сладкие,
как зефир-мармелад.
Ничего о тоске.
Никаких «а если умру...»

Напишу это на доске
и сразу сотру.

Будущий год

Сыплет и сыплет будущий год
С неба сверкающей белой пылью.
А под ногами, наоборот, —
Прошлые дни, в которых любили,
Били наотмашь в душу, и боль
Там навсегда уже застревала.
Ну, а любовь... Ну, а что — любовь?
Молча вставала и врачевала.
Пела со старой пластинки чёрной
Песенки с текстом неразличимым,
И говорила, как кот учёный,
Сказки. Что надо ещё любимым?
Всё уже сказано в этой теме:
Чтоб никогда и чтоб навсегда,
Чтобы в очередном Вифлееме
Очередная зажглась звезда.